

3 октября 1907 года по общему календарю, Московский Исследовательский Университет.

Минул месяц с той злополучной даты. Саша почти оправился; он по-прежнему испытывает некое возбуждение, которое нашло его через пятеро суток после нашего приключения. И пусть его мне доселе случалось сдерживать от необдуманных и малоприятных последствий, это все более заставляет волноваться о нашей с ним дальнейшей судьбе. Однако что более всего неприятно, так это то, что до меня так и не дошли вести о последствиях произошедшего. Словно в воду канули и квартира, лишенная стены, и подвергнутые остракизму злоумышленники, и память у непосредственных участников того казуса - должны же они были возопить, будто свиньи при убое? Ужасающее затишье. И пытаюсь не придавать тому особого внимания, точнее, особо боясь нарушить вселенский закон, последствием коего стала бы каторга, мы энергию беспрецедентного зуда с еще неделю со всем присущим детям избеганием и отчуждением перенаправляли на обучение: то есть, он постигает практику, пока я прикладываю все свои когнитивные навыки на дело постижения катарсиса и концентрации, должных, согласно теории, повысить качество исторгаемой и перерабатываемой внешней маны нашим телом. Медитация заменила собой воспевание иноземных песен и позволила нам окончательно осознать весь потенциал нашего с ним базиса всякого заклания. База сия, так скажем, на данную пору не хвастается особой экзотикой, являясь лишь начальным и закрепляющим учением об овладении собственным телом. Иначе говоря, лишь в здоровом и гибком сосуде - гласит ОТМ - достигается равновесие всех четырех жидкостей человека; лишь в достижении той гармонии, возможной помимо того и молитвой, такие дети да подростки, вроде Саши, способны на многое. Старики же, гипотетически, не одарены оным даром, будучи не в силах ощутить потоков энергии, а тем паче и уцепиться за какую-либо из нитей. И пятнадцать дней тому назад я наконец достиг своей оговоренной ранее цели - Саша почувствовал окутывающую его атмосферу смежного мира. Тогда я понял, что продолжительное соприкосновение с миром паранормального влечет за собой истощение рассудка, за коим следует сумасшествие и бред, поскольку детское сознание Саши при первом контакте истратило весь возможный жизненный ресурс и покинуло искомый сосуд свой, оставив на более чем час Сашу в бессознательном состоянии.

Вернувшись тем днем от сна к яви, нас посетила также тяжелая лихорадка, похоронившая всякое дело, нами запланированное, на долгую, куда более мучительную, чем наше пребывание на той квартире, неделю. Полагаю, лишь особливим отношением медсестры и милой чародейки я был спасен от потери Саши и смог выйти в свет, а кроме того, даже повстречался однажды с Николаем, как выяснилось, третьекурсником на факультете общеспециального военного магического мастерства. Почудилось даже, когда я его увидел, якобы все пережитое было той самой лихорадкой, а он и не ведал о той кровавой сцене, что предстала, как я помню, его очам, и теперь, словно и всегда до того, в отношении меня держит твердо нейтральную позицию, словно если бы я был ему вовсе не знаком. Тем не менее, мой утомившейся и обостренный болезнью Саши взгляд не мог не замечать дрожь в руках и отрывистые, как будто пьяные движения в момент схождения наших взглядов. Не скрывать, проявление трусости в некогда самоуверенном и статном красавце мне доставляло особое удовольствие, тем паче теперь, когда я почему-то оказался в неудел у всех некогда мне косвенно знакомых студентов. Жизнь разделилась на до и после; во всем виделась враждебность и немое недоумение. Так, например, выделенные мне в подручные молодцы отказались выходить на службу, а когда я через высшие инстанции запросил о них, то мне мягко отказали, сославшись на то, якобы в сим году свободных рук нет и не предвидится. Непременно, я мог бы положить, мол так то и есть, но паренек в моей голове напоминал о том, что среди нас пребывает свидетель. Страшный свидетель, могущий не только прижать меня суду, но и оклеветать. Чудо спасало меня в самые худшие дни проявления подозрительности

Саши от расправ. Также было - мне показалось - психологическое давление и от Реброва, который упрашивал меня чаще являться к нему с неким неотложным делом, и у прочего ученого света, будто бы меня избегающего. Мне и вовсе, казалось, не случалось придаться государственному учению, ибо за последние три недели я ни разу не появлялся нигде более, никуда не отлучавшись, даже к Тетушки, вечно гонимый из постели к Реброву и обратно в нее под вечер. Нет, безусловно, помимо моих собственных занятий, нечто мне Ребров лично преподавал, даже можно сказать, он стался моим личным куратором и одновременно репетитором. Вместе с ним мы рассуждали об ОТМ, которая меня все более увлекала в последний месяц, однако все это было зауныло и без особого рвения. Поэтому-то, если до того я проводил значительную часть времени в своей комнате, ныне кажущейся утомляющей зрение темницей, то отныне я днями мог пребывать в ней безвылазно.

Некое подобие доклада, словом, я все же отослал, успев сделать это еще до болезни, - и Былгатырев, как мой тайный фаворит, думается, уже распространился о содержимом анонимного послания, писанного исключительно мною, подчерком моим и доселе невиданным, нисколько не тождественным с Сашей. Я применил весь мой сознательный ресурс в купе с послезнанием, дабы убедить его, что данный казус является прямым следствием инакомыслия, которое рождается из царящей в России сего периода слабых характерности и немощи государственных аппаратов. Когда большая часть вопросов решается не с помощью и участием власти или при поддержке определенных условиях им поддерживаемых, но вопреки всякому государственному чиновнику и его инициативе. Если он изучит данную концепцию и примет ее, то, я надеюсь, тем более он будет благосклонен к реформам и новой форме власти, и при своем продвижении в верха, примется с крайней инициативностью продвигать данные идеи. И такова будет бабочка, которую я спасу.

23 сентября 1907 года по общему календарю, Петроград, Ресторан "Тигр".

- Итак, значит-с, вы хотите сказать, будто некто отослал вам вызывающего содержания письмо ? - Собеседник улыбнулся, добавляя соль в принесенное официантом блюдо, - Не ведал я, что может быть и такое: что подполковнику шлют пикантные письма, да не кому-нибудь, а вам, вы уж извините.

- Вы не верно поняли, Господин Дурин, напротив, сие письмо, несмотря на вызывающее содержание, я бы не назвал пошлым. В нем суть нашей с вами встречи и причина моей взволнованности.

- Так поведайте о нем, у меня уж аппетит разыгрался больно от ваших описаний. К тому же наш с вами ужин стынет, вы так не считаете ?

- Да, извините. Итак, вот - он достал из кармана сложенный пополам лист и бережно развернул его - это по поводу того случая, который расследовала охранка Его Величества. Мне же по неведанной до сих пор причине достался этот кусочек неразгаданного пазла, - пожилой министр внимательно рассматривал хаотичный почерк, подобный маяку, виляющему то вниз, то вверх, но неустанно слагающий некую повесть, складываясь в слова и предложения. Подполковник обернул лист лицевой стороной к себе и приступил к чтению. Письмо было коротким, но и без того брови прожженного министра сгустились, а на лице проступили крапинки пота. Он отпил ледяной воды из стакана, не способный оторваться от занимательной истории, рассказываемой его собеседником, и когда все же получил свободу самовыражения, легонько стукнул о стол.

- Вы же понимаете, что это тот самый маг, проникший в сердце нашей Империи ?! - Шипел Дурин, не имея прав перейти в крик, - Вы должны были...

- Да-да... но я пришел к вам, господин Министр. - Подполковник был непроницаем, он сидел скалой, не поддавшись ни чувству вины, ни страха. Пожалуй, он вовсе о том не думал. Осевший от того Дурин лишь мог качать головой, полагая дальнейший план действий - Как своего друга, достигшего высокого чина, я избрал вас первым, кто услышит о сим происшествии с уст непосредственного участника его. А кроме того, у меня бытуют подозрения на предмет личности нашего тайного мага, о коих я могу поделиться лишь с вами.

- Хорошо. Что ты хочешь ?

- Я полагаю возможным сохранение данного письма в секрете, ибо наш благодетель из сильных мира сего не с пустяка решил пользоваться секретами и замечать свои следы. Я также не думаю, будто бы это все было совершено во вред нашей Империи, - Он отложил письмо, берясь за ложку, утонувшей в нежном фарше, вдохнул слегка сладковатый аромат блюда и продолжил - да и содержимое, недавно вам оглашенное, не наводит на мысли, будто то засланный Альбионом тайный агент.

- Добро, я тебя понял, Былгатырев. Я обсужу с Его Величеством о твоём прощении.

- Благодарю вас. А теперь, как насчет того, чтобы приступить к стынущему ужину, мой друг ?

...объединение Райха не могло свершиться насильственным путем. Только представить, сколь много бы слегло в той кровопролитной войне по удержанию обширных территорий его; как была бы та бойня бессмысленна и презренна. Революция в головах является первопричиной существования Райха, и никакие рациональные причины, будь они хоть в сотни раз с точки зрения вас с Его Величеством выгоднее, не изменят сего положения. Империя ! Вы заблуждаетесь в доктрине; не армия и флот, а вера, ибо первыми, кто принял сие на вооружения были наши предки, жившие в глиняных домах на самом краю плодородного полумесяца. Их праведность и богопоклонство сделали возможным сотворение огромных по тем временам человеческих муравейников, именуемых доселе нами городами. Были ли они рациональны с точки зрения собственной выгоды, когда несли избытки в величественные храмы ? Когда раздавали в неурожайный год из сих запасов возделенной пищи поровну каждому обездоленному ? Могли ли они так жить без веры, без той революции в голове, свершенной меж переходом из кочевого образа жизни в оседлый ? Мог ли Райх сформироваться, не уверуй крестьянин, ремесленник и священник в идею о едином государстве, где их бы народ жил как истинный владелец земель своих ? А Республика - была бы она собою, не будь бы той праведной цели, к коей стремились эти франки ? Этот метод никогда не изменял себе, будучи таковым и в среде кочевников, разрезавших на конях неприятелей, и на равнине, где сложные социальные взаимоотношения и иерархии создали бессмысленную, но столь гармоничную систему, при которой возможна жизнь человека цивилизованного. Своевременная адаптация к скорым переменам - именно такова идея и эта революция, Господин Подполковник, - и никакая уверенность государя не спасет его, коли взбунтуется народ, который теперь объединяется в общем порыве под единой верой во слабость монарха, под единым знаменем переворота мысли; реформация или унесет вас с пути в канаву, или вы оседлаете ее, став воистину властителями вашего мира...